

БЫТОВАЯ ЛЕКСИКА БАРГУЗИНСКОГО ГОВОРА ПОТОМКОВ БАРГУТОВ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

В.И. Тармаева, Г. Цоглхагва

Ключевые слова: баргутский диалект, баргузинский говор, Баргузинский и Курумканский районы Республики Бурятия, бытовая лексика, баргу-бурятская общность

Keywords: Bargut dialect, Barguzin dialect, Barguzin and Kurumkan regions of the Republic of Buryatia, everyday vocabulary, Bargu-Buryat community

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)2–02](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)2–02)

Введение
Данная работа является обобщающей диалектологической работой о бытовой лексике баргузинского говора потомков баргутов Баргузинской долины Республики Бурятия. В этой связи следует уточнить следующее: имеются работы монгольских и китайских исследователей истории баргутов, в которых баргузинские буряты определяются как одна из ветвей племени баргутов [Харгана, 1999, с. 34]. В частности, с этим мнением солидарен китайский исследователь истории баргутов Галзут Тубшиннима, который считает, что историю баргутов нельзя рассматривать в отдельности от истории бурят [Тубшиннима, 2008, с. 55].

О былой этнокультурной общности между хори-бурятами и баргутами упоминает Л.Б. Бадмаева. Она также отмечает, что «лексические параллели в языке баргутов и бурят показывают, что данные языки сформировались в рамках одной языковой общности — баргу-бурятской, которая могла изначально сформироваться на территории Прибайкалья. Эта языковая общность, возможно, образовалась в результате тесного территориального контактирования, семейно-брачных и военных союзов этносов» [Бадмаева, 2012, с. 162]. Э.В. Афанасьева также указывает на то, что высокая степень сходства языка баргутов и бурят Прибайкалья может быть свидетельством единства происхождения баргутского и бурятского языков и реального существования баргу-бурятской языковой общности [Афанасьева, 2006].

Актуальность данного исследования обусловлена следующими факторами:

1. Баргутский диалект представляет собой в настоящее время малоизученную и недостаточно исследованную нишу.

2. Мнения отечественных и зарубежных специалистов о статусе языка баргутов различны: ряд исследователей объединяют его с бурятским языком и рассматривают его в качестве баргу-бурятского наречия, другие определяют его в качестве самостоятельного диалекта.

3. В связи с недостаточностью исторического и языкового материала в работах отечественных исследователей осуществлялись только некоторые параллели с баргутским языком в аспекте истории бурятского языка.

4. Ранее не предпринималось изучение бытовой лексики баргузинского варианта языка потомков баргутов.

5. Отбор, систематизация и описание особенностей бытовой лексики языка потомков этнической группы баргутов России необходимы для более глубокого понимания языковых процессов, культуры и истории не только данного этноса, но также для изучения проблем статики и динамики разных диалектов, поскольку в настоящее время значительное количество диалектных лексем из различных диалектов уже не является принадлежностью активного словаря диалектоносителей, не употребляется в их повседневной речи, уходит на периферию лексической системы, а отдельные наименования утрачиваются в силу ряда причин.

Методы исследования

В соответствии с поставленной целью в работе применялись следующие методы: описательно-аналитический метод, включающий различные приемы лингвистического анализа бытовой лексики баргузинского говора потомков баргутов; метод лексико-семантического и лексикографического анализа зафиксированных диалектных лексем бытовой лексики; метод компонентного анализа для определения семантического объема диалектных единиц бытовой лексики; лингвокультурологический метод для реконструкции общего уклада жизни, окружающей обстановки, обычаев, нравов потомков баргутов Республики Бурятия; различные виды полевой деятельности (наблюдение, опрос и т.п.) для ознакомления с повседневной жизнью потомков баргутов Республики Бурятия.

В связи с определением методологических оснований исследования необходимо отметить следующее. Многие вопросы, связанные прежде всего с происхождением баргутов, историей развития баргутского языка, остаются дискуссионными. Мы в своей работе не пытаемся отсто-

ять ту или иную историческую точку зрения на эти вопросы. Мы лишь разделяем мнения историков, на основании которых мы можем вести исследовательскую работу. В частности, наша солидарность с мнением Э.Б. Афанасьевой и Л.Б. Бадмаевой об единой баргу-бурятской языковой общности, а также монгольского историка Ж. Өлзий Харгана о том, что баргузинские буряты являются одной из ветвей племени баргутов [Харгана, 1999, с. 34], дает нам возможность проанализировать особенности бытовой лексики баргузинского говора, который гипотетически может являться языком потомков баргутов.

Проведенный нами анализ лексики баргузинского говора и баргутского диалекта Монголии и АРВМ Китая показал значительное количество совпадений. Наличие большого объема сходных элементов в лексике позволяет говорить с большей долей вероятности о единстве происхождения этих языков. По мнению ученых, лексико-семантический уровень языка является социально значимым для этноса, проявляет тесную связь с объективной действительностью, поскольку «лексика — это бытие, прошедшее через общественное сознание» [Пляскин, 2012, с. 72-77].

В 2014 г. нами были предприняты полевые экспедиции в Баргузинский и Курумканский районы Бурятии. Нам удалось получить самоиздат небольшого словаря диалектных слов и устойчивых сочетаний баргузинского (гипотетически потомков баргутов) говора, изготовленного в 2014 г. в формате брошюры. Лексика данного издания была собрана учителями бурятского языка средних школ Баргузинского и Курумканского районов [Бархан уулын сэсэгууд, 2014]. Название данного сборника в переводе «Цветы горы Бархан» отсылает к горе Бархан-Уула (Баргахан), которая в Бурятии почитается как эжин (=хранитель) местности, что отражает древние шаманские верования, общие для баргутов и других монгольских народов. Согласно местной легенде на горе похоронен один из известных баргутских повелителей. Во время диалектологических экспедиций мы вели опросы местных жителей, которые относили себя к баргутам и в повседневной речи использовали лексику баргутского диалекта. Местные информанты: Сергей Хобисхалович Ринчино, 1957 г. р., с. Аргада; Жорж Мангутович Абзаев, 1959 г. р., с. Курумкан; Баир Цыремпилович Гомбоев, 1970 г. р., с. Баргахан; Биликто Александрович Базаров, 1976 г. р., с. Курумкан. В связи с этим необходимо отметить, что «этническое самосознание, по определению этнологов, — это чувство принадлежности к определенному этносу, его важный признак, являющийся отражением в сознании людей реально существующих этнических связей и проявляющийся в форме самона-

звания» [Этнические и этно-социальные категории: Свод этнографических понятий и терминов, 1995; Зориктуев, 2007, с. 66].

Справедливости ради следует сказать, что по проблеме родства тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, гипотетически объединенных алтаистикой, возникшей на базе сравнительно-исторического языкознания около 300 лет тому назад, существуют разные мнения, в том числе противоположные. Одни исследователи видят в сходстве лексики и грамматики генетическое родство, другие считают данное сходство результатом длительных языковых контактов. Тем не менее исследователи едины во мнении по поводу наличия большой лингвистической общности между перечисленными языками [Рассадин и др., 2018].

Задача исследования — изучить бытовую лексику баргузинского говора. Как известно, бытовая лексика представлена лексемами, которые выражают наиболее необходимые и жизненно важные понятия, охватывающие различные стороны человеческого бытия в повседневной жизни. Названия предметов быта и обихода знакомят с материальной культурой народа. Данная лексика отражает связи и взаимоотношения исследуемого этноса с соседними этносами, поскольку лексические единицы данной тематической группы четко реагируют на различные социальные и экономические факторы изменения условий жизни [Мазинов и др., 2023].

Исследование и результаты

Современная территория Баргузинской долины является исконной родиной баргутов. Хотя прошло уже много времени с тех пор, как большая часть семей баргутов мигрировала оттуда (в XVII в.), о местах их проживания указывают топонимы: Баргутская падь, Баргутская мельница, Баргузин, гидроним Баргузин. В отмеченной местности расположена Баргузинская котловина, описанная в знаменитом «Сокровенном сказании монголов», а названия горы Бархан (см. упомянутый выше словарь-самоиздат «Цветы горы Бархан») и реки Баргузин тесно связаны с историей и культурой баргутов [Бадмаева, 2012].

Мы предполагаем, что:

— отдельные семьи баргутов остались проживать на территории Баргузинской долины, претерпев последующую частичную ассимиляцию;

— поскольку оставшиеся семьи баргутов проживали компактно и изолированно от основного этноса, они продолжали общаться на родном языке в кругу семьи, сохраняя родную лексику;

— благодаря существовавшей сильной культурной традиции, а также высокой степени национальной идентичности и престижа родного

языка среди оставшихся баргутов они сумели сохранить самобытность культуры даже при смене некоторых культурных маркеров.

В нашей работе мы используем выражение «баргузинский вариант» баргутского диалекта, поскольку баргуты, проживавшие в Баргузинской котловине, называли свою родину Баргуджин-Токум. В «Сокровенном сказании монголов» имеется информация о том, что прама-терь Чингис-хана Алун-гоа была дочерью Баргужин-гоа, а ее дядей был Баргудай-мэргэн. Л.С. Бадмаева отмечает, что «возможно, это не личные имена, а имена, образованные от названия племени „барга“» [Бадмаева, 2012]. В середине XIII в. венецианский путешественник Марко Поло дал описание «равнины Бангу, или Баргу» [Мельхеев, 1965, с. 115]. В данном случае путешественник, как предполагается, описал историческую родину баргутов — Баргузинскую долину.

Соответственно, выделяемый в настоящее время баргузинский говор попал в фокус нашего исследования как возможный современный вариант прабаргутского диалекта. Как отмечали ранее, проведенный нами анализ лексики баргузинского говора и баргутского диалекта Монголии и АРВМ Китая (баргуты являются частью официального монгольского населения Внутренней Монголии, пользуются правами национального меньшинства в КНР) показал большое количество совпадений. Консервативная в плане изменения базовая лексика — личные местоимения, названия частей тела, базовые имена существительные, обозначающие природу, стихии, а также предлоги и союзы — языка потомков баргутов Баргузинской долины значительно совпала с названиями баргутского диалекта Монголии и Китая.

Целью данной работы является анализ бытовой лексики баргузинского говора, служащей средством повседневного обиходно-бытового общения его немногочисленных носителей, считающих себя потомками баргутов.

Представляется необходимым привести определения тех понятий, которые являются ключевыми в данном исследовании. Говор характеризуется в Лингвистическом энциклопедическом словаре как «элементарная, минимальная ареальная единица языка», диалект — «разновидность языка, используемая как средство общения между людьми, связанными одной территорией. Диалекты характеризуются относительным единством языковой структуры (фонетики, грамматики, лексики) и противопоставляются литературному языку» [Касаткин, 1990, с. 133]. Как отмечают исследователи, диалектной лексике присуща устойчивость, обусловленная особенностями коммуникативной ситуации, в которой сформировался и существует диалект или говор

[Касаткие, 1990, с. 133; Опарина, 2024]. Однако необходимо принимать во внимание процессы нивелирования, обусловленные различными факторами. Так, С.В. Пискунова и Н.А. Кирьянова отмечают: «Все более суживающийся состав носителей территориальных диалектов сказался на характере их функционирования. В настоящее время наиболее типичными сферами их употребления являются семья и разного рода ситуации непринужденного общения односельчан друг с другом. Во всех иных коммуникативных ситуациях можно наблюдать смешанные формы диалектной речи с переходом в просторечие» [Пискунова и др., 2022, с. 9]. «Однако диалектная лексика остается более статичной, чем общенародный разговорный язык, что позволяет исследователям выявлять и фиксировать ее языковую специфику и связь с родной культурой» [Опарина, 2024, с. 89].

По результатам исследования, важную часть словарного состава баргузинского говора составляет бытовая лексика. Мы солидарны со следующим определением, в соответствии с которым бытовая лексика — это «лексика, включающая в свой состав слова повседневного обихода, называющие предметы и явления быта, т.е. общего уклада жизни, окружающей обстановки, обычаев, нравов и т.д.» [Брагина, 2007, с. 493; Машинист, 2020]. Номинации бытовой лексики баргузинского говора объединены в следующие лексико-семантические группы: названия кухонной утвари и домашнего обихода, названия жилищ и хозяйственных построек, названия орудий труда, названия пищи, термины родства, названия животного и растительного мира и др. В каждой лексико-семантической группе мы выделили следующие подгруппы.

1. Названия кухонной утвари и домашнего обихода:

— названия кухонной утвари: *гүсэ* 'заварник', *аршуур* 'тряпка', *едоохой* 'бидончик', *зантуу* 'ведро', *лушан* 'щепка', *мэнүүн*, *мэнүүхэн* 'посуда', *хубардаан* 'сковорода', *ужа* 'рожок для вскармливания ребенка', *хонхосой* 'стакан', *амуур* 'горлышко', *хидага* 'деревянная посуда';

— названия домашнего обихода: *нухалга* 'выдвижной ящик у стола', *борьсо* 'щеколда', *данхай* 'шкафчик для посуды', *ноохлой* 'баракло', *орон* 'кровать', *талмаг*, *талбаг* 'седушка, коврик', *убэлг* 'небольшой бортик у кровати', *хобсор* 'подстилка в виде коврика из шкур овечьих, лошадиных ног', *хүнжүүр*, *хүнжүүл* 'часть кровати у изножья', *үнжэл хүрхэ* 'постельное белье', *ширээ* 'низкий столик';

2. Названия жилищ и хозяйственных построек:

— названия постоянных жилищ: *бага гэр* 'маленький домик, летник', *бурайд гэр* 'зимовье, летний домик';

— названия временных жилищ: *нажаржаан* ‘летник’, *балгаан* ‘балаган’;

— названия частей жилищ: *гэшхуур* ‘ступенька’, *данхуй* ‘навес’, *дараанса* ‘крыша’, *ёолмо* ‘конёк крыши дома’, *забаалин* ‘завалинка’, *нюрга модон* ‘балка дома’, *уртуүһэн* ‘ветки ивы для вязки изгороди’, *хабшалга* ‘трёхгранный колышек для изгороди’, *хүрэй* ‘забор’, *хүшэлтэ* ‘плетёная изгородь’, *хэрэнсэй* ‘крыльцо’, *шагаабари* ‘окно’;

— названия хозяйственных построек: *ильден* ‘ограждение для стогов сена’, *тээрэм* ‘мельница’, *оёор* ‘пол’, *онгоошихо* ‘окошко’, *иргэнэг*, *хаабар* ‘клетки для телят’, *хаяа* ‘стойка’, *холдообхо* ‘кладовая’.

Одной из многочисленных особенностей материальной культуры потомков баргутов Баргузинской долины является юрта с камышовой крышей. В таких юртах летом и в настоящее время проживают старые баргуты Китая.

В прошлом, занимаясь кочевым скотоводством, баргуты жили в таких юртах, которые назывались *хулсан гэр* (‘камышовая юрта’). Структура этой юрты не отличается от других монгольских юрт и состоит из верхнего деревянного круга (*тооно*), жердей крыши (*уняа*), деревянных решетчатых стен (*хана*), двери, камышовой крыши, тальниковых стен (*шиг*), внутренней камышовой стены (*хаас*), внутренних и внешних веревок для крепления стен (*булюур*, монг. *буслуур*), 16 веревок для укрепления крыши (*оор*, монг. *оосор*).

Камышовая крыша состоит из внутренней крыши (*дотор дээвэр*), внешней крыши (*гадар дээвэр*), средней части (*дунд араалан*), дымохода (*хоолой ороомол*). При изготовлении этой крыши большое значение имеет подбор материала по длине и высоте. Для *шиг* (‘стен, которые обрамляет деревянный каркас’) выбирается ровный красный тальник (*ива*), который соединяется веревками, сплетенными из волос скота. Волосная веревка от дождя становится еще крепче и не подвергается воздействию солнца. Перед изготовлением стены шиг тальник просушивают, подрезают, подгоняют по толщине, чередуя толстый и тонкий концы. Затем прутья связываются волосяной нитью. В завершение ровно подрезаются концы стенки.

Обычная стенка *шиг* имеет высоту 140 см, длину 4 м, состоит из 600 прутьев. В среднем юрта имеет 4 стены. Как правило, для одной стены используется около 160 м тонкой волосяной нити, для одной юрты необходимо сплести 680 м нити. Внутренняя стена (*хаас*), внутренняя крыша, внешняя крыша изготавливаются из тонкого камыша. Срезанные стебли камыша выбираются в соответствии с толщиной, этот процесс называется *хулс хэгших*. Затем стебли камыша подрезаются

до определенной длины, этот процесс называется *хулс уелэх*. Внутренние стены из камыша (*хаас*) обрамляют деревянные решетчатые стенки изнутри юрты. Они защищают от дождя, ветра и холода и приятны внешне. Их делают из тонкого камыша, чередуя с тремя прутьями тальника для красоты (красный тальник чередовался с желтым камышом), данный процесс называется *жишигтээр алаглах*. Верхнюю часть сшивают волосяной нитью.

Веревки являются важной частью юрты. Вережки, опоясывающие стены, изготавливаются из волос скота и различаются по ширине, цвету и форме, также служат дополнительным украшением юрты. Сначала волосы вручную разминают и отделяют друг от друга. Процесс размятого и свитого волоса называется *хялгас туутгийлэх*. После этого делаются небольшие клубочки, процесс называется *хялгас хурайлах*. Такую нить вставляют в деревянное приспособление для изготовления веревок, опоясывающей юрту, и начинают ее вязать (*нэхэх*). Для изготовления широкой веревки используют 30 двойных нитей, для тонкой веревки — 22. Длина веревки для обычной юрты составляет 18–20 метров.

Вережки, опоясывающие юрту, обычно двух видов: вязаные и шитые. При изготовлении шитой веревки волос скручивают с разной силой, затем 2 веревки совмещают, подгоняя плотную и неплотную части, после сшивают верблюжьей шерстяной нитью. Использование белого, черного и рыжего волоса, а также чередование волос с разной плотностью придает веревкам красочный вид. Шитая веревка крепится посередине.

После подгонки деревянных стен и жердей юрты края двух частей камышовой крыши придавливаются и скрепляются 16 веревками (оор) крест-накрест, образуя 4 квадрата. Крепко связанные, подогнанные по высоте крыша и стены привлекают своей красотой.

3. Названия орудий труда:

— названия орудий ручного труда: *хошхо* ‘совок для мусора’, *хатаар* ‘доска с бортиками для потрохов’, *дули* ‘камни для очага’, *ишлээбэр* ‘кочерга’, *лаастабхи* ‘лопата’, *хурзэ* ‘большая лопата’, *этуур* ‘широкая деревянная лопатка для разгребания снега’;

— названия режущих и точильных инструментов: *тонгорог* ‘перочинный ножик’, *хотиго* ‘нож’, *хурэй* ‘пила’.

Названия предметов, применяемых в сельском хозяйстве: *адяар* ‘поперечина для перевозки сена на санях’, *аргаан*, *аргаанан* ‘навоз’, *буха тармуур* ‘трабли для размельчения сухого навоза скота’, *бухалай аса* ‘вилы для сооружения копны’, *бүгдөөдүүн* ‘затычка’, *гатуун* ‘палка с железным наконечником’, *гурбалжан* ‘путы для трёх ног коня’, *ёлоо* ‘поводья’, *иргүүлгэ* ‘кожемялка’, *ирэ* ‘острие’, *матаанай аса* ‘вилы для зарос-

да, *минаа* 'кнут', *мөөр* 'колесо', *налба* 'застеленная тележка для перевозки сена', *нюрганай аса* 'вилы для завершения зарода', *тунаа* 'путы для передних двух ног коня', *туйр* 'сенная труха', *урхэр тэргэ*, *урхэр шарга* 'двухколёсные повозки для тяжелого груза', *дэгээ* 'крюк для сена', *үрээлэ* 'путы для двух односторонних ног коня', *хабидха*, *хабида* 'путы на задние ноги коровы', *хаг* 'послед', *хайбаг* 'лодка-плоскодонка', *хии* 'подстилка для скота', *холбоо* 'плот', *хэршээһэн* 'заготовленная древесина для последующего распила', *шоро* 'орудие для перевозки копны сена', *шубшүүргэ* 'свисток', *шүргэ* 'намордник для телят', *шэргүүбиэ тэрэгний арал* 'оглобли', *мэшиэл* 'мешок'.

4. Названия пищи, повседневных продуктов, блюд и напитков, которые используются в ежедневном обиходе:

— названия блюд: *забарууха* 'мучная болтушка', *хара шүлэн* 'постный суп', *ээдмэг пахта*, *ээзгэй* 'блюдо из молозива', *юһэндүүн* 'кусочек хлеба';

— названия пищи и повседневных продуктов: *хирмаса* 'мелкие куски мяса', *борсо*, *хургааһан* 'сушёное мясо', *дабуун* 'соль', *зубалга* 'тощее мясо', *зэмүүһэн* 'мясной набор, гостинец', *нимжэгэн* 'масло жирное', *сагаан талхан* 'мука', *уүхэн* 'сало', *хальюуһан* 'кожура', *хара талхан* 'зерно', *хитаруулга* 'калач', *хэлеймо* 'хлеб', *шарууһан* 'мясо (конина, говядина)';

— названия напитков: *байхабай* 'байховый чай', *тогооной архи* 'молочная водка, тарасун'.

У потомков баргутов Баргузинской долины, как и у баргутов Монголии и Китая, все молочные блюда используются при проведении ритуальных обрядов. Так, молоко утренней дойки безымянным пальцем правой руки брызгают в небо (это действие называется эсэгэ тэнгри), затем по сторонам света (=сасал оргохо), а также на землю (=эхэ дэлхий).

Мясные блюда являются основой рациона баргутов и потомков баргутов Баргузинской долины. На стол почетным гостям ставят голову барана (=тоооэй), бараний крестец (=уужа/ууса), берцовую кость (=шананта), лопатки (=дала), ребра (=хавирга), грудную часть (=сээр) с позвонками и нарезанное на куски мясо (=бухээлээр).

5. Названия обитателей живой природы:

— дикие и домашние животные: *һомо морин* 'верховая лошадь', *адуу мал* 'скот', *адуун* 'конь', *аймтан* 'животное', *зумбраа*, *зумари* 'суслик', *мухардаан* 'комолая корова (мясная порода крупного рогатого скота)', *неэн* 'корова', *урхэр* 'вол', *шоогой* 'коза', *шоошхо* 'кошка';

— птицы: *доржоохой* 'воробей', *зурбаахай* 'птенец', *сахали* 'чайка';

— рыбы: *загуун, загууһан* 'рыба', *сордон* 'щука', *хоолэнтэй, хоолин-тии* 'карась';

— насекомые: *арбаахалдай* 'паук', *батаганаа* 'комар', *буургуун* 'мош-кара', *зүгэй* 'пчела', *хоргоолжон* 'червь', *илааһан* 'муха', *хольнии* 'клоп', *шилза, шалза* 'клец', *шоргоолжон, шургалжан* 'муравей'.

Такие птицы, как лебеди, гуси, орлы, белые соколы, а также домаш-ные животные, такие как лошади и коровы, — все это представители животного мира, которыми баргуты Монголии и Китая, а также баргу-зинские потомки баргутов гордятся и любят. Они украшают свои вещи и одежду изображениями этих животных и птиц.

Они также носят головной убор цвета лебедя или гуся. Самая замет-ная часть головы украшена повязкой цвета лебедя или гуся, символи-зирующей красоту тотемного идола.

Поскольку мыши очень плодовиты, изображения летучих мышей широко используются как символ размножения.

Изображение пары рыб символизирует плодородие. Использо-вание мотивов пары во всей одежде символизирует тот факт, что че-ловек — существо, состоящее из двух частей, идеального союза и со-юза двух. Оно также выражает множество смысловых оттенков, та-ких как «изобилие», «приумножение», «теплое дыхание», «идентичная пара», «власть», «больше людей» и «естественное наследование». Чис-ло два также образует ось четных чисел, что символизирует монголь-ский комплекс символов «этот мир». Женщины баргутов делят волосы на две части и носят на концах серебрянные подвески, которые назы-ваются «бэл». Каждая из этих «бэл» имеет пять косичек в форме рыбы.

6. Названия одежды, частей одежды, обуви, материалов для изготов-ления одежды, украшений и контейнеров, предназначенных для хране-ния женских принадлежностей и мелких швейных принадлежностей: *хубсаһан* 'одежда', *бос* 'хлопчатобумажная ткань', *чисчуу* 'чесуча', *дурдан* 'креп или шелк', *цэмбэ* 'сукно', *хоргой* 'парча', *ша* 'флёр', *нэхий дээл* 'рас-пашной зимний халат', *бортого малгай* 'круглая шапка', *голоод иишэг* 'обувь из кожи', *гутуун* 'обувь', *пинтууза* 'кисет для хранения женских принадлежностей', *сабъя* 'сапоги', *сультхи* 'носки', *сүсүгэй* 'каблук', *халаа-дуун* 'заплата', *хантааза* 'жилет', *ханьшин хонор* 'рукава', *ёргоон* 'шерсть', *шураг* 'бусина', *гальшахайн хобто* 'специальная небольшая коробка для хранения иголок, булавок, ниток, наперстков и других мелких швейных принадлежностей', *эһэгэй* 'войлок'.

В одежде потомков баргутов Баргузинской долины много символов, связанных с поклонением животным. Разнообразные украшения для

волос, серебряные пуговицы, ножи и заколки, широко используемые в одежде, а также как узоры, — все это свидетельствует о восприятии животных в качестве почитаемых тотемов.

Многие предметы одежды украшены узорами, символизирующими плодородие вида. Например, **женский халат (дэгэл) потомков баргутов** Баргузинской долины имеет пуговицы с изображением бабочек и колокольчики в виде бабочек внизу платья. Баргуты вырезали бабочек на овчинном пальто невесты и вышивали узоры бабочек на женских сапогах сөөхий (потомкам баргутов Баргузинской долины известна такая обувь, баргуты Китая ее носят). Узор бабочек символизирует женский дар плодородия, поэтому он широко используется в женской одежде. Узор лошади представляет собой мужской дар. Поэтому узор лошади широко используется в мужской одежде. Украшение одежды изображением лошади является символом плодородия.

7. Названия, связанные с флорой:

— растения дикой природы и культурные растения: *альруун* 'брусника', *гоогуун*, *гоогууһан* 'лук-порей', *мандюуһан* 'дикий лук', *наруун*, *нарууһан* 'сосна', *нэруун* 'голубика', *тибүүһэн*, *тибүүн* 'сарана', *хортоошхо хулһан* 'картофель', *хулуун* 'камыш', *шэнүүн*, *шэнүүһэн* 'лиственница', *ябган улаагана* 'земляника';

— основные структурные элементы дерева: *гэшиүүн* 'ветка, сучок', *набишуун*, *набишууһан* 'листья', *тортог* 'смола', *хултуун* 'кора', *шаралзан*, *шаралжан* 'высохшая хвоя', *шэлбүүн* 'хвоя', *цэлтүүһэн* 'ветки'.

8. Названия других предметов и явлений, применяемых в повседневной речи потомков баргутов: *дэлүүһэн* 'грива', *юһар* 'традиционное подношение гостям', *сааруун* 'бумага', *ебэн зэв* 'ржавчина', *дамжуур* 'лестница', *арюур* 'ручка, рукоятка', *байрса* 'святое место', *ангуури* 'лыжные охотничьи палки', *тоонто* 'узел', *хашаруун хаширсан* 'чешуя', *хүлүүн* 'пот'.

Названия родственных связей: *андаляа* 'обменный брак', *изиш* 'бабушка', *аханар*, *аханад* 'старший брат', *нирай* 'ребенок'.

Слова, выражающие оценку личностных качеств и действий: *боо-холдой чөтгөр* 'черт' (переносное значение), *таймар* 'сильный', *яргал* 'счастливый', *тодхор* 'беда, напасть', *заяаша* 'ангел-хранитель', *найхасан* 'проныра', *хартагшан* 'несерьезный, легкомысленный человек', *оборзан* 'плохой нрав, склочность'.

Названия частей тела: *һорьмууһан* 'ресница', *һэлүүн* 'желчь', *арууһан* 'кожа', *атхаал* 'предплечье', *булшан* 'мышца', *бүхэ* 'зад', *гүзээн* 'живот, брюхо', *ёборга* 'кулак', *мангилай* 'лоб', *тархи толгой* 'голова', *хабууһан*, *хабуун* 'ребро', *хюмуун* 'ногти, ноготь', *шүрмүүн бүлх* 'сужожилие'.

Названия болезней и недомоганий: *хотоо* 'воспалительная болезнь рта', *шара бусалха* 'изжога', *эбиэн* 'болезнь', *шиихан хатиг* 'фурункул', *ангуу* 'рана'.

Названия сторон света: *баррай* 'юго-запад', *зуун хойно* 'северо-восток', *зуурай* 'юго-восток', *зүүшээ* 'на восток'.

Названия неживой природы: *гуу* 'овраг', *дубуун* 'холм', *мулюун* 'лед', *нажар* 'лето', *суулган* 'прорубь', *сээл* 'водоворот, омут', *убуун* 'сено', *ханааба* 'канавка', *хахуй*, *хахуу* 'промёрзлая земля', *хашар* 'наледь', *хонхосой* 'впадина', *хура* 'дождь', *хубхүүл*, *нэбхүүл* 'кочка', *хүнгэрэг* 'сугроб', *энги* 'берег', *ягаабар* 'солнцепек', *ялга* 'овраг', *атуй улаан удэр* 'весь световой день'.

В заключение хотелось бы добавить следующее. Нами предварительно было осуществлено сопоставительное исследование бытовой лексики немногочисленных жителей потомков баргутов Баргузинской долины, которые считают себя баргутами, с литературным монгольским языком, а также с зарубежными вариантами баргутского диалекта. Это исследование может служить свидетельством в пользу того, что между языком баргузинского говора и языком баргутов Монголии и Китая прослеживается значительная лексическая общность. Как представляется, наблюдаемая общность в лексике с языками баргутского диалекта обусловлена не случайным, а закономерным процессом исторического происхождения родственных племен.

Заключение

Итак, в статье была проанализирована бытовая лексика баргузинского говора, носители которого, по мнению некоторых ученых и нашему, рассматриваются в качестве одной из ветвей племени баргутов, а их язык, соответственно, как один из современных вариантов прабаргутского диалекта. В результате исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Мы склонны утверждать, что
 - отдельные семьи баргутов остались проживать на территории Баргузинской долины, претерпев последующую частичную ассимиляцию;
 - поскольку оставшиеся семьи баргутов проживали компактно и изолированно от основного этноса, они продолжали общаться на родном языке в кругу семьи, сохраняя родную лексику.
2. Предполагаем, что благодаря существовавшей сильной культурной традиции, а также высокой степени национальной идентичности и престижа родного языка среди оставшихся баргутов они сумели со-

хранить самобытность культуры даже при смене некоторых культурных маркеров.

3. Лексемы баргузинского говора можно определить в качестве лексем социального говора, так как употребляются эти слова в речи представителей старшей возрастной группы, считающей себя баргутами.

4. Бытовая лексика в языке потомков баргутов применяется в кругу семьи. В повседневной сфере общения бытовая лексика баргузинского говора используется ситуативно.

5. Слова, номинирующие предметы быта в баргузинском говоре, объединены в лексико-семантические группы парадигматического типа.

6. Бытовая лексика баргузинского говора состоит из следующих лексико-семантических групп: названия кухонной утвари и домашнего обихода, названия жилищ и хозяйственных построек, названия орудий труда, названия пищи, повседневных продуктов, блюд и напитков, которые используются в ежедневном обиходе, названия обитателей живой природы, названия одежды, частей одежды, обуви, материалов для изготовления одежды, украшений и контейнеров, предназначенных для хранения женских принадлежностей и мелких швейных принадлежностей, названия, связанные с флорой, а также названия других предметов и явлений, применяемых в повседневной речи потомков баргутов (названия частей тела, названия родственных связей, слова, выражающие оценку личностных качеств и действий, названия болезней и недугований, названия сторон света, названия неживой природы).

7. Бытовая лексика исследуемого говора в основном совпадает с повседневной лексикой баргутского диалекта Монголии и Китая.

Библиографический список

Афанасьева Э.В. Исторические связи бурятского и баргутского языков. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. 148 с.

Бадмаева Л.Б. О баргу-бурятской языковой общности // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/o-bargu-buryatskoj-yazykovoy-obschnosti>

Бархан уулын сэсэгүүд. Цветы горы Бархан // Словарь диалектных слов баргузинского говора. Курумканский дацан: Гандан Ше Дувлин. 2014. 62 с.

Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007. 526 с.

Зориктуев Б.Р. Заметки об истории старых и новых баргутов Китая // Баргажин 2007. Электронный ресурс <https://studfile.net/preview/3544068/>

Касаткин Л.Л. Диалект // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 683 с.

Мазин А.С.-А., Ганиева Э.С. Бытовая лексика как вербализатор культурного кода в диалектной картине мира крымских татар // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Philology. Theory & Practice. ISSN 2782–4543 (online). ISSN 1997–2911 (print). 2023. Т. 16. Вып. 10. Электронный ресурс <https://philology-journal.ru/article/phil20230514/fulltext>

Машинист А.В. Бытовая лексика: семантические и функциональные особенности (на материале прозы Юрия Вэллы) // StudNet. 2020. № 9. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/bytovaya-leksika-semanticheskie-i-funktsionalnye-osobennosti-na-materiale-prozy-yuriya-velly>

Мельхеев М.Н. Топонимические свидетельства географических условий прошлого (на примерах топонимики юга Восточной Сибири) // Всесоюзная конференция по топонимике СССР: тезисы докладов и сообщений. Л., 1965. 205 с.

Опарина Е.О. Диалектная лексика русского языка: Современные исследования российских лингвистов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. 2024. № 3. С. 87–100. <https://doi.org/10.31249/ling/2024.03.07>

Пискунова С.В., Кирьянова Н.А. Диалектная подсистема русского языка в современном Тамбовском регионе // Современные русские говоры в системе языковой культуры и текстовой коммуникации: материалы круглого стола (18–19 марта 2022 г.), посвященного 75-летию со дня рождения тамбовского диалектолога, лексикографа и текстолога С.В. Пискуновой / отв. ред. А.С. Щербак. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2022. С. 8–17.

Пляскина Е.И. Диалектная лексика в говоре сел Борзинского района Забайкальского края // Гуманитарный вектор. 2012. № 4 (32). С. 72–77.

Рассадин В.И., Трофимова С.М., Болд Л. Тюрко-монгольские параллели среди терминов духовной культуры в монгольских языках // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 222–231. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/tyurko-mongolskie-paralleli-sredi-terminov-duhovnoy-kultury-v-mongolskih-yazykah>

Тубшиннига Г. Вaруүсүд-ун теүкен ирелте. История происхождения баргутов (транслитерация, перевод, примечания) / Ввод. статья и прим. Д.Д. Нимаева и Л.Б. Бадмаевой; транслит., пер. со старомонг. Л.Б. Бадмаевой, Ю.Д. Бадмаевой. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. 2008. 188 с.

Этнические и этносоциальные категории: Свод этнографических понятий и терминов / под общ. ред. академика Ю.В. Бромлея и профессора С.И. Вайнштейна. Отв. ред. выпуска доктор исторических наук, профессор В.И. Козлов. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1995. Вып. 6. 216 с.

Харгана Ж. Өлзий. Барга монголын түүх. История баргутов. Улаанбаатар, Улан-Батор, 1999. 282 с.

References

Afanas`eva E` .V. Historical connections between the Buryat and Bargut languages, Ulan-Ude` , 2006, 148 p. (In Russian).

Badmaeva L.B. About Bargu-Buryat language community. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* = Siberian Journal of Philology, 2012, no. 2. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-bargu-buryatskoy-yazykovoy-obschnosti> (In Russian).

Bragina N.G. Memory in language and culture, Moscow, 2007, 526 p. (In Russian).

Ethnic and ethno-social categories: A collection of ethnographic concepts and terms, iss. 6, Moscow, 1995, 216 p. (In Russian).

Flowers of Mount Barkhan. *Slovar` dialektny`x slov barguzinskogo govora* = Dictionary of dialect words of the Barguzin dialect, Kurumkanskiy daczan: Gandan She Duvlin, 2014, 62 p. (In Russian).

Kasatkin L.L. Dialect. *Lingvisticheskij e`nciklopedicheskij slovar`* = Linguistic Encyclopedic Dictionary, Moscow, 1990, 683 p. (In Russian).

Mashinist A.V. Everyday vocabulary: semantic and functional features (based on the prose of Yuri Vella). *StudNet*, 2020, no. 9. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/bytovaya-leksika-semanticheskie-i-funktsionalnye-osobennosti-na-materiale-prozy-yuriya-velly> (In Russian).

Mazinov A.S.-A., Ganieva E.S. Everyday vocabulary as a verbalizer of the cultural code in the Crimean Tatar dialectal worldview. *Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki* = Philological sciences. Theoretical and practical issues, 2023, vol. 16, iss. 10. Retrieved from: <https://philology-journal.ru/article/phil20230514/fulltext> (In Russian).

Mel`xeev M. N. Toponymic evidence of geographical conditions of the past (using examples of toponymy in the south of Eastern Siberia). All-Union Conference on Toponymy of the USSR, Leningrad, 1965, 205 p. (In Russian).

Oparina E.O. Dialectal Vocabulary of the Russian Language: Modern Research by Russian Linguists. *Social`ny`e i gumanitarny`e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literature* = Social and Humanitarian Sciences. Domestic and

Foreign Literature, 2024, nj. 3, pp. 87-100. <https://doi.org/10.31249/ling/2024.03.07> (In Russian).

Piskunova S.V., Kir`yanova N.A. The dialect subsystem of the Russian language in the modern Tambov region. Modern Russian dialects in the system of linguistic culture and textual communication: materials of the round table (March 18–19, 2022) dedicated to the 75th anniversary of the birth of Tambov dialectologist, lexicographer, and textologist S.V. Piskunova, Tambov, 2022, pp. 8–17. (In Russian).

Plyaskina E.I. Dialectal vocabulary in the speech of the villages of the Borzinsky district of the Trans-Baikal Territory. *Gumanitarny`j vector* = Humanitarian vector. 2012. № 4 (32), pp. 72-77. (In Russian).

Rassadin V. I., Trofimova S. M., Bold L. Turkic-Mongolian parallels among terms of spiritual culture in Mongolian languages. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* = Siberian Journal of Philology, 2018, no. 3. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyurko-mongolskie-paralleli-sredi-terminov-duhovnoy-kultury-v-mongolskih-yazykah> (In Russian).

Tubshinnima G. History of the origin of the Barguts, Ulan-Ude, 2008, 188 p. (in Mongolian).

Xargana Zh. Өлзий. History of the Barghuts, Ulan-Bator, 1999, 282 p.

Zoriktuev B.R. Notes on the history of old and new barguts of China. Bargazhin 2007. Retrieved from: <https://studfile.net/preview/3544068/> (In Russian).